

Анастасия Дробина

Король-одиночка

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165821
Дробина А. Король-одиночка: Роман: Эксмо; М.; 2003
ISBN 5-699-04204-0*

Аннотация

Общий бизнес зачастую так объединяет людей, что они становятся одной сплоченной семьей. Но иногда, особенно когда речь заходит о больших деньгах, бывшие партнеры по бизнесу оказываются смертельными врагами... Так и произошло: переправленная из Одессы крупная партия наркотиков не дошла до главного московского заказчика. Кто же вор – Король, передававший товар, или цыган по кличке Граф, который должен был его забрать? Уже пролилось немало крови, а тайна исчезновения героина не раскрыта. Как это часто случается, этой тайной владеет женщина – Мария, бывшая танцовщица, а ныне известная московская гадалка. Немало известно и другим – рыжей красавице Марго, возлюбленной Короля, артистке театра «Ромэн» Раде. Что будет, когда кто-нибудь из них решится «расколоться»? Кому достанется информация – Королю или его заклятому врагу Графу?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Анастасия ДРОБИНА КОРОЛЬ-ОДИНОЧКА

В большой комнате горела лампа. Слабый свет не справлялся с темнотой и терялся на тяжелых портьерах и старинной бронзе светильников, стоящих по углам. На столе стояли тарелки с остатками ужина и бутылка вина, уже почти пустая. Из распахнутого в сад окна тянуло сыростью. По крыше стучал дождь. За столом сидели двое, и неторопливая беседа, лишь изредка прерываемая поднятием стакана со словами: «За твое здоровье, дорогой...» – длилась уже около часа.

Хозяин дома взглянул на окно. Вежливым и одновременно властным жестом прервал речь своего собеседника:

– Извини, Граф. Не трудно будет?..

Тот кивнул, не спеша встал, закрыл створки. Зеленая лампа осветила его грубые скулы, тяжелые веки, сросшиеся на переносице брови. Волосы черными крутыми кольцами падали на низкий лоб. Массивная нижняя челюсть придавала лицу угрожающее выражение.

– Спасибо. Садись. Валя, еще вина!

Неслышно вошла жена хозяина – пожилая, еще красивая цыганка с гладко уложенными волосами. Поставив на стол новую бутылку, начала собирать грязную посуду. Граф тронул ее полную руку, улыбнулся, блеснув зубами. Улыбка смягчила его черты. Сразу стало заметно, что ему не больше тридцати.

– Посиди с нами, тетя Валя.

– Спасибо, в другой раз, – с усмешкой отказалась женщина. – Ваши дела мужские. Пей, ешь, дорогой. Ночевать останешься?

Граф покачал головой, тяжело, обоими локтями оперся на столешницу. Когда Валя, взяв поднос, ушла из комнаты, он поднял глаза.

– Товар уже в Одессе. Мне что – прямо завтра лететь?

– Зачем тянуть? – хозяин, казалось, не заметил досады в его голосе. – Не беспокойся. На свою свадьбу успеешь.

Граф усмехнулся. Отпил из бокала.

– Слушай, Белаш... Зачем тебе этот гаджо ¹? Не боишься, что обдурит? Деньги все-таки большие.

– По-моему, это ты его ко мне привел.

– Ну, я... Так это когда было!

– Кто говорил, что он всю Одессу держит? Кто говорил, что Король в порту хозяин?

– И не отказываюсь, держит. А тебе обязательно через море получать? Мои люди давно поездами прямо из Бишкека возят – ни одна цыганка еще не попалась.

– У Короля тоже не попадают. Сколько лет вместе работаем – все в порядке было. Вы что, с ним поссорились?

– С чего? Нам делить нечего. Только знаешь, что моя бабка говорила? Ром – мэк ром-энца, гаджо – мэк гаджэнца ².

– Мой отец тоже так говорил. Посмотрим. А пока лети в Одессу. Получи товар – и женись спокойно. Девочку я знаю?

Граф молча кивнул. Чуть погодя встал из-за стола.

– Поеду.

– Ступай. Матери поклонись от нас. Скажи – на свадьбе увидимся.

¹ Не цыган.

² Цыган – пусть с цыганами, русский – пусть с русскими.

Когда за Графом закрылась дверь, Белаш некоторое время сидел неподвижно. Его отяжелевшая, грузная фигура заполняла собой все кресло, отбрасывая на паркет бесформенную тень. Свет лампы застыл в немигающих черных глазах. Казалось, мужчина чего-то ждет.

Когда под окном мокро прошелестели шины, Белаш повернул голову. Вполголоса позвал:

– Мария...

Тяжелая портьера качнулась. Из-за нее бесшумно, словно привидение, вышла молодая цыганка в шелковом брючном костюме. Ее черные волосы, собранные в хвост, густыми прядями падали на плечи. Подойдя к столу, она вытащила сигарету из лежащей на скатерти пачки, закурила, несколько раз с силой затянулась. Тонкие, унизанные перстнями пальцы Марии дрожали.

– Значит, женится... – пробормотала тихо, без злости. – Вот дерьмо...

– Поверила теперь?

– Девочку жаль, како ³. Будет мучить, как меня.

Белаш, не отвечая, смотрел в окно. Молчала и Мария, машинально затягиваясь и стряхивая пепел в бокал на столе. Она не была красивой: слишком крупные губы, большой нос с горбинкой, по-мужски широкие брови. Близко посаженные черные глаза, не моргая, смотрели в пол.

– И не боишься с ним дела делать?! – вдруг взорвалась она, хлопнув ладонью по столу. Белаш медленно поднял голову.

– Бояться – мне?

– Тебе! Тебе! – широкие ноздри Марии раздулись, она всем телом подалась вперед. – Думаешь, ему верить можно? Хоть на полкопейки? Ты послушай, что про него цыгане говорят! С русскими знаться – это как? По кабакам шляться?! С чужими женами спать – это как?! И с его-то рожей, дэвлалэ ⁴!.. Страшнее смертного часа!

– Не кричи. Дети спят.

– Не кричу! – Мария села на подлокотник кресла, стиснула ладонями виски. Уже успокаиваясь, спросила: – А кто этот Король?

Белаш усмехнулся краем губ.

– Между прочим, твой родственник.

– Ка-а-ак?..

– Твой брат, Славка, жену взял в этом году? Девочка – из Одессы, сестра Короля.

– Король же гаджо!

– Девочка тоже... наполовину. Ты не знала?

– Да, Славка что-то говорил... – Мария умолкла на полуслове. Белаш положил ладонь на ее пальцы.

– Ты так и живешь одна? Нехорошо, ты – женщина молодая... Не хочешь к нам переехать? Валя рада будет.

– Позорить твою семью? – не поднимая глаз, усмехнулась Мария.

– О чем ты...

– А ты не знаешь, что я шлюха? – снова вспылила она. – Не знаешь? Граф тебе не говорил?

– Ты знаешь, что я в это никогда не поверю.

– Почему же Граф еще живой?

Белаш промолчал. Чуть погодя поманил Марию пальцем:

³ Дядя.

⁴ Боже мой.

– Подойди-ка.

Женщина непонимающе взглянула на него. Медленно подошла. Белаш тяжело поднялся. Взяв Марию за плечо, развернул к свету, откинул ее густые, иссиня-черные волосы. Коснулся пальцем красного пятна у самой ключицы.

– У тебя есть мужчина?

Мария вспыхнула. Вырвалась, метнулась к стене. Белаш молча налил себе вина, отпил несколько глотков. Мария, сощурившись, следила за его неторопливыми движениями. Несколько раз она порывалась что-то сказать, но, не решаясь, закусывала губы.

– Ты останешься ночевать? – осведомился Белаш. – Валя постелит тебе с детьми. Ночью на машине, в дождь – зачем?..

– Подожди! Како! Ты же не знаешь... Это же... – Мария отвернулась к окну, обхватила плечи руками. – Это же он... Он.

Несколько секунд в комнате царило молчание.

– Граф? – тихо, не скрывая изумления, спросил Белаш. – Он бывает у тебя?

Не ответив, Мария кинулась за дверь. Быстрые шаги прошлепали под окном. Пискнула сигнализация, хлопнула дверца, взвизгнули покрышки. Тишина.

Все-таки как она похожа на Терезу!.. Белаш прикрыл глаза, вспоминая покойницу-сестру: высокую, темнолицую, никогда не улыбающуюся. От ее огромных неласковых глаз молодые цыгане теряли разум; сватов начали засылать, когда Терезе не исполнилось и четырнадцати. И не только в ее красоте было дело: любому льстило породниться с их знаменитым родом. Отец умер рано, и главой семьи стал Белаш, старший сын. Тереза не спешила замуж. Белаш не хотел принуждать сестру. Тем больнее оказался для него ее выбор. Петька Рогожин, артист. Поляко⁵. Пьяница. Что могло быть позорнее? И какое это дело для мужчины – каблуками зарабатывать гроши на подмостках? Петька и сам понимал, что ему не светит, и благоразумно не явился с официальным сватовством. Тереза решила все сама и умчалась с этим голоштанником на его разваливающихся «Жигулях».

Ни тогда, ни после Белаш не упрекал сестру: что пользы жалеть об уже сделанном? Ни слова недовольства не услышал и ее муж, хотя Белаш едва удержал младших братьев от расправы над «оборванцем». В глубине души он надеялся, что Тереза быстро одумается и вернется домой. Что Петька мог ей дать? Зарплату в шестьдесят рублей? Шефские концерты? Комнату в коммуналке и тоненькую золотую цепочку на шею? Белаш надеялся, что сестра будет гадать и хотя бы этим обеспечит свою семью, но Тереза, к изумлению всех, пошла за мужем на сцену.

Белаш знал, что такое работа в ансамбле. Вечные дороги, тряска в разбитых автобусах, деревянные подмостки сельских клубов и открытые площадки в парках, скандалы с администрацией, нищета. Пять рублей за концерт. Зависть и сплетни за спиной – не дай бог сплясать или спеть лучше кого-то. И его сестра, его Тереза пошла в эту жизнь. Но ни разу Белаш не слышал от нее жалобы. Она приезжала в гости в единственном шелковом платье, высоко держала голову, отмахивалась от охов и вздохов матери. До Белаша доходили слухи о том, что Петька погуливает, подолгу не бывает дома, спускает деньги на ипподроме. Он пробовал попытаться у сестры – правда ли это? Та пожимала плечами:

«Тебя обманули. Слава богу, хорошо живем».

Без малого десять лет он слышал от нее эту фразу.

Тереза умерла молодой, родив лишь двоих детей, не дожив и до двадцати семи. Только там, в больнице, Белаш узнал о ее болезни. У Терезы был порок сердца. Ей нельзя было переутомляться. Ей нельзя было рожать Славку. Ей ни в коем случае нельзя было танцевать. Все это рассказала Белашу пожилая суровая докторша:

⁵ Русский цыган (название применяется цыганами группы кэлдэра).

«О чем вы думали? Какая сцена?! Вы в своем уме, молодые люди? С этим ей дома надо было сидеть и носки вязать!»

Он молчал. Что тут можно было ответить – что он, старший брат, даже не догадывался ни о чем?

К умирающей пустили одних мужчин – на этом настоял Белаш. Тереза всю жизнь ненавидела бабьи истерики. Петька сидел на полу у ее койки, настороженно смотрел на набившихся в палату братьев жены. Никто из них не заговорил с ним. Лицо Терезы на больничной подушке казалось высохшей маской. Воспаленные глаза остановились на старшем брате.

«Белаш...»

«Я слушаю тебя».

«Не отдавай ему детей».

Он сперва подумал – ослышался. Отстранив Петьку, встал на колени рядом с больничной койкой, наклонился к сестре:

«Что ты сказала?»

«Возьми детей. Не отдавай ему. Поклянись...»

Белаш думал лишь несколько секунд.

«Клянусь».

Она умолкла, закрыв глаза. Случайно Белаш взглянул на Петьку. Такого ужаса на человеческом лице он не видел никогда. Ужаса и облегчения – когда Петька понял, что жена больше ничего не скажет. Белаш так и не узнал, что происходило между ними в эти десять лет. Расспрашивать Петьку не хотелось: Терезу было уже не вернуть. На похоронах он сказал зятю:

«Детям у нас будет лучше. А ты уезжай».

По физиономии Петьки было видно, что он не ожидал так дешево отделаться. Больше Белаш никогда его не видел.

Марии, старшей, было тогда девять, и все говорили: вылитая мать. Ее и Славкино детство прошло за кулисами, и Белаш, еще надеявшийся выбить из их голов сцену, быстро понял: не выйдет. Девчонка уже умела плясать «венгерку», распевать «Очи черные» и делать реверансы. С ее шестилетним братом было не легче: если по дому разносился дикий рев, это означало лишь одно: у Славки отобрали гитару. Утешаться можно было лишь тем, что дети действительно были талантливы. И когда подросшая Мария объявила, что хочет работать в ансамбле, Белаш скрыл недовольство и заставил замолчать родню. Отныне он мог только помогать племянникам – и делал все, что было в его силах.

Марию тоже рано начали сватать, и Белаш, до этого успешно выдавший замуж четверых собственных дочерей, не думал, что с ней могут быть проблемы. Первая достойная, на его взгляд, партия появилась, когда Марии было пятнадцать. В их дом приехали гости – дальние родственники из Молдавии. Тогда еще называлась спекуляцией и преследовалась самая невинная перепродажа вещей и косметики, но эти молдаване были удачливы: золотые серьги у их жен свисали до плеч. Вечером собралось большое застолье. Марию, торопившуюся на концерт, удержали дома, заставили петь. Она покорилась лишь из уважения к дяде.

«Ай, да не вечерняя...» – выводила Мария, не поднимая ресниц, дрожа от ярости. У молодого парня, напротив, медленно раскрылись глаза и рот. На следующий день он прислал родителей – сватать.

Впоследствии Белаш благодарил бога за то, что не дал слова сразу, в самых изысканных выражениях попросив разрешения подумать. Вечером он пришел в спальню племянницы. Мария вертелась перед зеркалом, примеряя новый костюм – пунцовую гору оборок, блесток и шелка. Двенадцатилетний Славка сидел тут же, на диване с гитарой в обнимку. Белаш велел ему выйти, и они с Марией остались одни.

«Девочка, послушай меня...»

«Да, како, слушаю... – не глядя на него, Мария вгоняла в волосы шпильки. – Ничего, что я переодеваюсь? Знаешь, у меня сегодня сольная программа! Четыре пляски – моих, три романса! Девчонки от зависти загибаются, но мне-то наплевать! Мне дядя Коля сказал, что буду первая солистка! Только бы не опоздать... Сколько уже времени?»

«Тебя сватают. За Лаци. Пойдешь?»

Мария перестала улыбаться. Их глаза встретились в зеркале.

«Лаци? Который это? Тот, кудрявый?.. Нет, не пойду».

Белаш знал, что мог бы и не спрашивать ее. Мог сам дать согласие молдаванам, назначить день свадьбы, пригласить родню – и лишь после этого ввести Марию в курс дела. Она бы не осмелилась противиться – по крайней мере он думал так до сих пор. Но сейчас, встретившись в зеркале с недобрый взглядом племянницы, он вспомнил о Терезе. И задал лишь один вопрос:

«Почему?»

Лицо Марии стало удивленным. Она пожала плечами:

«Не хочу».

Она любила и уважала его – в этом Белаш был уверен. Такой ответ не был ни вызовом, ни наглостью. Просто Мария сказала правду, и в этот день Белаш впервые подумал, что счастливой ей не быть.

Потом были другие – поляча, кэлдэраря, ловаря, торговцы, артисты, деловые... Мария отказывала всем. Валя, жена Белаша, хваталась за голову:

«Почему ты ей разрешаешь? Не цыган, не понимаешь?! Еще год-два – и кто ее возьмет?»

Славка, всегда державший сторону сестры, хохотал:

«Тетя Валя, цыган пожалей! Кто с ней свяжется – часу не проживет!»

Сама Мария формулировала коротко:

«Лучше в девках просидеть, чем пустяком утешиться». И продолжала носиться по концертам. К тому времени они со Славкой уже жили отдельно. Мария настояла на этом, и Белаш не спорил: концерты кончались поздно, возвращаться из Москвы в Орехово-Зуево каждую ночь было лишь напрасной тратой времени. Но с Графом она все же познакомилась в доме дяди.

Графу тогда было чуть больше двадцати, но дела он проворачивал такие, что люди крестились, рассказывая о них. Он не боялся связываться с не цыганами, торговал иконами, золотом, снабжал наркотиками все Крымское побережье и примеривался к Москве. Белаш дал ему такую возможность: парень нравился ему, его деловой хватке можно было только позавидовать. На людскую зависть Белаш списывал и все сплетни цыган о Графе: шляется по девкам, не женится, опозорил чью-то дочь и, главное, вывернулся из этого живым... Уже тогда его называли лугняри ⁶. Все это сразу вспомнилось, когда Граф явился свататься. Первым делом на ум пришло: судьба, что ли? Тереза выскочила за русского цыгана – и что хорошего получилось? Не хватало еще мучиться и девочке... Разумеется, Белаш не сказал этого вслух, но Граф, кажется, догадался и улыбнулся, сверкнув зубами:

«Мария согласна».

Белаш беспокоился, что Граф приведет жену жить в свою семью и заставит гадать, но, к счастью, молодые поселились отдельно. Белаш, помня жизнь сестры, уже не попадался на счастливый вид племянницы и настойчиво расспрашивал: не обижает ли ее муж? Не поднимает ли на нее руку, не ходит ли на сторону? Мария была вся в мать и только шутила:

«Я цыганка, како! Он – хозяин, ему – велеть, а мне – терпеть!»

⁶ Лугняри – бабник, потаскун.

Лишь однажды у нее с досадой вырвалось: «Хочет, чтоб я петь бросила...» Белаша это не удивило: напротив, он не мог понять, почему парень не настоял на этом сразу. В глубине души он надеялся, что Мария послушает хотя бы мужа: оставит сцену, будет сидеть дома, как нормальная цыганка, начнет рожать детей... Какое там! Она и слышать ничего не хотела. И – пропадала на концертах, ездила с братом на гастроли, пела ночами в ресторанах, словно ей не хватало денег. Граф уже начал в открытую жаловаться, что жена позорит его, и, не стесняясь, ходил к проституткам. Белаш понимал, что парень прав, попробовал поговорить с Марией – та вспыхнула:

«Знал, кого брал! Я его предупреждала! Недоволен – пусть к своим девкам катится!»

Впервые она вышла из себя при разговоре с дядей, и Белаш догадался, что дела плохи. А через месяц грянуло несчастье.

Он до сих пор не знал, что на самом деле стряслось в ту ночь. О случившемся он услышал от Графа. Тот явился к нему без звонка, на рассвете и, черный от ярости, объявил, что получил в жены шлюху. С ним приехали шесть человек его друзей, которые хором поклялись, что видели все своими глазами: Мария собиралась лечь в постель с каким-то гаджо.

Хуже дня у Белаша не было с похорон сестры. Сбежались все родственники, цыганки плакали, как на поминках, Валя лежала с сердечным приступом... Белаш поехал к Марии – услышать от нее, как было дело.

Она была дома одна, и Белаша передернуло, когда он увидел лицо племянницы: распухшее, сизое от синяков. Она не плакала. Коротко спросила:

«Он у тебя был?»

«Был. Это правда, что он сказал?»

Все-таки нужно было думать, о чем спрашивать. Не мешало вспомнить, чья дочь Мария. По ее изуродованному лицу пробежала судорога. Она отвернулась, отошла к окну. Глухо сказала:

«Раз ты веришь – значит, правда».

Больше Белаш не добился от нее ни слова. И по сей день жалел об этом разговоре.

Разумеется, о примирении с Графом не могло быть и речи. Белаш попытался уговорить племянницу вернуться в его дом, но Мария отказалась наотрез, и он снял для нее квартиру в Москве. Она зажила одна и, к изумлению Белаша, вскоре покинула сцену. Но теперь это не радовало его. В Марии словно сломалось что-то: приезжая в гости, она уже не рассказывала о шумных концертах, о новых песнях, не смеялась, описывая репетиции и склоки цыганок из-за сольных номеров. Ее лицо казалось постаревшим на несколько лет, в потухших глазах не было прежнего блеска, редкие слова цедились сквозь зубы, без охоты. Белаш не решался расспрашивать племянницу, чувствуя, что она так и не простила его. Даже брать у него деньги она отказывалась и в конце концов занялась гаданием, от которого открешивалась, как от чумы, еще полгода назад. В квартире на Ордынке появилось круглое зеркало, карты, свечи, стопки книг по хиромантии и магии. Несколько дней Мария высидела около Вали, наблюдая за тем, как та обрабатывает русских женщин, съездила набраться опыта к своей бабке, знаменитой на всю Тульскую область ворожее, и под конец записалась на курсы психологии. Видя такую серьезную подготовку, Белаш предложил заплатить за рекламу по телевидению. Он был уверен – откажется, но Мария, к его облегчению, согласилась. Это была единственная помощь, которую она приняла от него за все шесть лет. При этом Белаш понимал, что Мария просто не хотела оскорблять его.

За спиной Белаша послышались тихие шаги.

– Валя, ты? – не оборачиваясь, спросил он.

– Я. – Жена подошла к столу. – Уехала она?

– Да. – Белаш снова взглянул в окно. По стеклу бежали потоки дождя.

– Может, тебе с ней поговорить? Ты все-таки женщина... Хватит ей жить одной.

– Лучше не трогай ее. – Валя перестала убирать со стола, дотронулась до его руки. – Ложись спать. Утро скоро.

* * *

Над Одессой висела теплая весенняя ночь. Порт искрился цветными огнями, с набережной неслись голоса, женский смех. Со стороны бульваров тянуло ароматом отцветающих каштанов. Луна поднялась над морем, нарисовав на нем блестящую дорожку, повисла в окне ресторана «Итака». Несколько минут назад ресторан закрылся, зал был пуст, и только за столиком у стены расположились двое мужчин. Одним из них был мрачный, как туча, Граф.

– Долго еще дожидаться? – сквозь зубы спросил он у сидящего напротив. – Время – деньги, Таракан... Я до утра тут торчать не могу.

– Король сказал – значит, будет, – лениво отозвался собеседник. На его широком, грубом лице читалось полное безразличие.

К столику подошел немолодой метрдотель, наклонившись к Таракану, негромко спросил о чем-то.

– Нехай идут, – кивнул гость, и уставшие музыканты по знаку метрдотеля гуськом спустились с эстрады. – Мы ненадолго, Семеныч.

– Ай, мне-то что, хоть до завтра, – зевнул служащий ресторана. – Захочете чего – свистнешь.

Оглушительно хлопнула входная дверь. Через зал пулей промчалось взъерошенное существо в линялых джинсах и майке с изображением гологрудой красотки. Из-под бейсболки, надетой козырьком назад, топорщились рыжие волосы. Каким-то чудом мальчишка успел затормозить перед метрдотелем:

– Здравсьте, Есиф Семеныч... Таракан! Там Король! И Маргарита Спиридоновна с ним! Тока что подгребли с фасоном!

– Сядь, не верещи, – поморщился Таракан. – Могли б и пораньше.

– Король вам не пожарная машина! – бросил парень. Кинув хитрый взгляд на Графа, театрально раскланялся. – Ой, глазам не верю! То ж Графчик! То ж наше солнце ясное! Ой, гордый какой стал, знакомых с фасада уже не узнает!

Таракан отвернулся, скрывая усмешку. Граф, не меняясь в лице, смотрел в сторону.

– С ума сойти, что по Одессе делается! – не унимался мальчишка. – Таракан, сукой буду, если вру, – вчера его с Розкой Понизовской возле Оперного видал! Девочка, как положено, здороваается, улыбается, за самочувствие, туда-сюда... А это недоразумение хоть бы рожу сменило! Шнобель утюгом – и мимо, как неродной! Я что, уже не у себя дома?! Никакого... – он осекся от прикосновения сзади, оглянулся, – Король, я за базар отвечаю!

– Сходи лучше машину отгони.

Парень состроил недовольную гримасу. Засунул руки в карманы, вразвалку тронулся к выходу. Король отодвинул стул для своей дамы – молодой женщины в черном платье. Она села, поздоровалась с Тараканом, улыбнулась Графу. Неяркий свет заискрился на ее рыжих, распущенных по плечам волосах, блеснул в сонных, как у кошки, глазах. Граф мельком взглянул на нее, удивился:

– Палсо э жувлы адай? ⁷

– На дар. Мангав, на ракир романэс ⁸.

Граф пожал плечами. Покосился на закрывшуюся дверь зала.

– Ты его совсем распустил.

⁷ Зачем здесь женщина?

⁸ Не бойся. Прошу, не говори по-цыгански.

– Лягушонка-то? – усмехнулся Король. – Он мне второй день покоя не дает. Чего ты с ним не поздоровался?

– А кто он такой?

– Все равно, мог бы уж. Зяму Лягушонка в Одессе уважают... Ты товар проверил?

– Обижаешь. Я тебе доверяю.

– Скажи Белашу – позвоню.

– Он сейчас не в Москве. – Граф затянулся сигаретой. Облако дыма скрыло его лицо. – Улетел в Варшаву, по делам. Только через месяц будет.

– А как же свадьба твоя?

– Да ведь уже отыграли, золотой...

– Когда это? – Король поднял голову, внимательно взглянул на Графа. – А говорил – после Пасхи...

– Так вышло. Извини, не мог тебя найти. Ты, кажется, в Бадахшане был.

Король медленно кивнул, задумался. Граф украдкой, из-под полуопущенных век следил за ним. Таракан, отодвинувшись в тень, вертел в пальцах пустой бокал, молчал. Рыжеволосая женщина в упор разглядывала Графа.

Луна переместилась в другое окно. Король кинул взгляд на часы.

– Ладно. Все равно в Москве скоро буду. Вашим всем привет.

– Передам, золотой. Будь здоров. – Граф поднялся, жестом попрощался с Тараканом, пошел к выходу. Король провожал его глазами.

– Обезьяна вшивая, – послышалось за его спиной. Зямка Лягушонок не решился сесть, но встал перед Королем в самой непринужденной позе, заложив руки за спину и отставив ногу. – Король, ну взгляни на него! Сам даже не в законе, а с наглой мордой по Одессе ходит.

– На свою морду посмотри.

– Ну, знаете! Никто еще не жаловался! Маргарита Спиридоновна, обратите внимание – я обиделся...

– Зямка, сядь, не мелькай, – женщина повернулась к Королю. – Слушай, он мне тоже не нравится.

– Потому что вокруг тебя не скакал.

– Положить мне на его скакания! – вдруг взорвалась она. – Зачем тебе эти цыгане сдались – не пойму! Других зубных болей мало? Развел родственничков – ни уму, ни сердцу...

Король усмехнулся, промолчал. Полоса света упала на его темное от загара лицо, резко обозначила скулы, тяжелую линию подбородка, две глубоких морщины над густыми бровями. Светлые серые глаза не выражали ничего. Спустя минуту он негромко позвал:

– Таракан... Ленка! Спишь, что ли?

В самом деле задремавший Таракан мотнул головой, недовольно поморщился:

– Заснешь с тобой... Ни днем, ни ночью покоя нет.

– Ты что думаешь?

– Ничего не думаю. – Таракан встал с облегченно заскрипевшего стула и постучал себя ребром ладони по шее. – Вот тут мне уже твоя родня цыганская... Поехали в порт!

* * *

Ночью зазвонил телефон. Марго проснулась первая, вскочила, босиком перебежала комнату. Не открывая глаз, Король слушал, как она яростно шепчет в трубку:

– Кали никта, кали никта! А сколько времени, ты знаешь, сукин сын?! Сплю я, сплю, и все, утром звони! Что «парагалло»?.. Да говори медленнее, не пойму я! Ладно, хорошо, завтра. Будь здоров... Холера единокровная.

Осторожно положив трубку на рычаг, она вернулась к кровати.

– Петрос прилетел? – сонно спросил Король.

– Замучил совсем! – видя, что он не спит, Марго с размаху повалилась на постель. – Володька, застрели его, а?

– Международный скандал, – предупредил Король, переворачиваясь на спину. – Совести у тебя нет. Мальчик из Афин по два раза в месяц носится...

– А тебе, сволочь, хоть бы хрен.

– Шла б ты, мать, за него. Пока берет.

– Тебя не спросилась, – отрезала она. Серdito сбросив его ладонь, села. Король вытянул руку, на ощупь нашел грудь Марго. Женщина опять недовольно отстранила его. – Опять в Москву, высунув язык, несешься? Не надоело? Привез бы их сюда – и дело с концом.

– Белка замуж вышла, не поедет.

– Девчонку свою вези.

– И куда ее девать?

– Не знаю. Только ребенок на глазах должен быть, а не в цыганской шобле. Сам говорил, что она тебя уже в упор не узнает... И потом – все равно с делами завязываешь. Зачем только тебе этот Граф напоследок понадобился – не пойму.

– Отвяжись. – Король закрыл глаза, по опыту зная – не отвяжется. Еще во времена своей дворовой юности он никакой руганью и побоями не мог отогнать от себя рыжую, голенастую, драчливую, как помойная кошка, девчонку дворничихи. Упрямства у Марго Канде-лаки было не занимать, она бесстрашно таскалась за Володькой повсюду, без тени смущения забирала стирать и штопать его единственную рубашку и вызывалась стоять на шухере во время его коммерческих операций на Привозе. Марго было четырнадцать, когда Король лишил ее невинности на жестком деревянном лежаке пляжа Ланжерон. Она предложила сама, и с чего ему было отказываться? Ночь была августовской, теплой, по черному морю бежала лунная дорожка, идти домой было нельзя. Мать, тогда еще красивая и не потасканная, предупредила его заранее: «Чтоб я тебя, босяк, до утра не видала».

Он не возражал: матери надо было как-то устраивать личную жизнь. У Володьки к тому времени уже были женщины, и его позабавило то, как растрепанная, заплаканная Марго имитирует неземной восторг в его объятиях. Потом они искупались, съели завалявшуюся в его кармане воблу, поболтали о жизни. Володька, как джентльмен, проводил Марго до дома и помог втащить в квартиру пьяную, храпевшую на лестничной клетке дворничиху. А через неделю его вместе с лучшим другом Ленькой Тараканом посадили за уличный разбой. Они имели глупость сопротивляться при задержании, и работа медвежьих Ленькиных кулаков лишь осложнила положение. На суде не было ни матери Володьки, ни младшей сестры. Пришла лишь Марго – осунувшаяся, зареванная пацанка в штопаном платье и старушечьем платке на рыжих вихрах. Когда их уводили, она закатила в зале суда настоящую истерику:

«Ой, Володенька-а... Ой, и единственный ты мой, голубь, рыбочка-а-а... Ой, и боже ж мо-ой... Ой, и куда ж ты от mine-е, хосподи-и-и...»

Он рыкнул на нее – по-взрослому, солидно – уже от дверей:

«Не вой, лахудра! Три года – не срок».

Писем Марго ему не писала, да он их и не ждал и мало-помалу забыл о подруге. Во взрослой колонии Володьке сказочно повезло: на него, ничем не примечательного, только что переведенного с «малолетки» пацана, обратил внимание известнейший вор в законе Монах. Под его покровительством Володька без забот домотал свой срок, научился Masse полезных в зоне и на воле вещей и незаметно привязался к старому вору. Монах освободился двумя месяцами раньше Володьки и пригласил его в Москву, пообещав заняться карьерой начинающего джентльмена удачи. Отказываться было грех: после освобождения Володька взял курс на столицу. Тогда ему было двадцать лет.

В Москве работы было много. Операции с наркотиками только начинались – осторожно, с оглядкой, без лишней жадности. Володька вместе с другими подручными Монаха ездил в горный Бадахшан, месяцами мотался по одичавшим аулам, скрытым горным площадкам и плантациям с анашой, возвращался почерневший и худой, с сумками бесценного, пахнущего скошенной травой «товара». Монах усиленно развивал бизнес, прибирая к рукам весь московский рынок наркотиков. Несколько лет Володька неотлучно находился возле него. Потом ему пришло в голову, что в Одессе можно работать не хуже, и он, не слушая уговоров Монаха, отбыл на родину. Там завертелись дела с цыганами, портовая контрабанда, транзит героина через море. Делать бизнес на своей территории Володьке понравилось гораздо больше, и в Москву он не вернулся.

Однажды Король (к тому времени уже Король) зашел в публичный дом на Седецкой. Таракан затащил его туда почти насильно, заверив, что это – лучшее заведение в Одессе при вполне умеренных ценах. В тот вечер Король был не в духе и на угодливый вопрос хозяйки заведения коротко ответил:

«Любую».

Через пять минут в комнату вошла длинноногая красавица в вечернем платье с разрезом до талии, с прической из густых рыжих волос. Он повернулся к ней – и едва успел заметить, как изумленно и радостно блеснули глаза проститутки. Кинувшись Королю на шею, она по-обезьяньи обхватила его руками и ногами и пронзительно заверещала:

«Володенька-а-а!!!»

По этому воплю он ее и узнал.

Из публичного дома они уехали к ней домой. Теперь Марго жила на тихой Студенке, в маленьком доме, выходящем окнами в заросли акации и черешен. Жила одна – мужское начало в доме представлял желто-зеленый, важный попугай-ара по кличке Прокурор. При виде Короля Прокурор что-то небрежно пробормотал не по-русски и нагло повернулся задом. Король уважительно хмыкнул, Марго расхохоталась и потащила его в комнату пить martini.

Они проговорили всю ночь, и лишь под утро Марго, спохватившись, стянула с кровати покрывало. Перед уходом Король попытался произвести расчет, но Марго не на шутку рассвирепела. С размаху залепила ему кулаком по скуле и демонстративно спустила зеленые бумажки в унитаз. Больше к вопросу об оплате Король не возвращался.

Марго не захотела оставить заведение: по ее словам, хороший заработок и квалификация на дороге не валялись. Она была права, и настаивать Король не стал. С еще большим удивлением он узнал о том, что Марго посещает собрания греческой диаспоры в Одессе. Вскоре всплыло на поверхность обширное семейство Канделаки в Афинах – дальние родственники Марго, – и она зачастила в Грецию. Эти поездки увенчались появлением на горизонте некоего Петроса Ставропуло. Король ограничился тем, что навел справки, и, убедившись в том, что у грека собственная фирма и неплохой доход от оливковых плантаций под Салониками, предпочел не вмешиваться.

– Как у тети Кати дела? – потянувшись, спросил Король. – Сто лет не был.

– Зато Зямка Лягушонок торчит с утра до ночи. – Марго села, прислонившись к стене, усмехнулась: из темноты ярко блеснули зубы. – Тетя Катя – молодцом. Никакая конкуренция ее не берет. Негритянку завела, Наной зовут. Ну, я тебе доложу, динамо-машина! Одна за весь бордель пахать может и не сильно вспотеет.

– То-то Лягушонок третий день на ходу спит.

– Еще бы... Нанка кого хочешь заездит. Знаешь, как она делает? – Марго растянулась на животе рядом с Королем, протянула руку. Он увидел совсем близко ее сощуренные, как у проказливого чертенка, глаза.

– Сперва вот так... А потом так... И вот здесь... Леж-ж-жи, тебе говорят, не двигайся!

Из сада одуряюще пахло акацией. Огромная луна стояла прямо в окне, серый свет падал на развороченную постель, на полу шевелились тени. Висящая на стене Джоконда взирала на освещенное безобразие со снисходительной улыбкой. Старинные часы с маятником тихо отсчитывали время.

– Ну, как? – довольно спросила Марго десять минут спустя, откидываясь на спину. Ее повлажневшая от пота кожа блестела в лунном свете, спутанные волосы разметались по подушке. Король небрежно погладил их:

– Ничего. Только Нана немного не так делает...

– Что?.. – поперхнулась Марго. – Ах ты, скотина!!!

В ту же секунду скрученная в валик подушка обрушилась на голову Короля. Тот, хохоча, отбивался:

– Мать! Стой! Пошутил! Не был я там! Ну, не был! Ну, хватит, пух летит!

– Ой, да мне-то что, – неожиданно успокоилась Марго. Бросила подушку, тихо рассмеялась. – Ох, сволочь... Воблы хочешь?

– Хочу.

Встав, Марго ушла в кухню. Вернулась с тарелкой семечек и большой воблой. Луна покинула окно, скрылась за Ближними Мельницами. Запах акаций чувствовался острее – близилось утро. Из темного угла доносилось сонное бормотание Прокурора: «Кар-р-рамба... Пута, пута, пута...»

– Значит, закрываешь лавочку. – Марго задумчиво щелкала семечки. – Ну, по-моему, правильно. Только кто вместо тебя Одессой займется?

– Таракан пусть занимается.

– Очень Ленке нужно. Ему еще раньше тебя это надоело. У него Лариска на седьмом месяце... Скоро вернешься?

– Как управлюсь. – Король отправил за окно рыбий хвост. – С цыганьем заранее ничего не знаешь.

– И зачем ты с ними связался? Сколько лет уже... – Марго легла рядом. Король положил голову ей на грудь, закрыл глаза. Теплая, пахнущая морской солью ладонь погладила его по волосам. – Знаешь, что я думаю? Только не злись. Ты просто Нинку ищешь.

Тишина. Прокурор в клетке умолк, потрепав напоследок жесткими, как фанера, перьями. Потянувший сквозняк шевельнул занавеску. В саду резко, тоскливо крикнула ночная птица.

– Сдурела, мать, – сказал Король. – Где ее теперь сыщешь?

– Вот и думал бы об этом почаще. Шесть лет – не шутка. У нее свой мужик давно и семеро по лавкам где-нибудь в Виннице. У цыганья это быстро, сам знаешь. А ты все как дурак...

– Ты что, помнишь ее? – попытался он перевести разговор.

– Еще бы не помню! – фыркнула Марго. – Красота несказанная! По Привозу гоняла с голым задом!

– Ну, у меня не гоняла...

– Гоняла, гоняла! И тебя не спрашивала! Вся Одесса над тобой смеялась...

– Будя врать. – Король зевнул, закрыл глаза. – Спи давай.

Марго вздохнула, повернулась спиной. Король негромко окликнул ее – она не отозвалась. Тогда он поднялся. В темноте вышел на кухню, не спеша напился теплой воды из чайника, закурил. Сна не было.

* * *

– Уходи, – приказала Мария. С той стороны двери последовал короткий смешок. Звонок снова заверещал на всю квартиру. Мария зажала уши руками, зажмурившись, закричала:

– Убирайся! Убирайся! Уйди! Я милицию вызову!

– Снесу дверь, – предупредили снаружи. – До трех считать или до одного?

– Ой, господи... – от бессилия она разревелась. Мельком увидела себя в зеркале: встрепанную, перепуганную, с распахнувшимся на груди халатом... и застонала от ненависти к этому отражению.

– Подожди. Оденусь.

– Чего я там не видал?

И правда чего, устало подумала Мария, накидывая поверх халата вязаную шаль и кое-как прихватывая шпильками волосы. Пудриться было уже некогда. Смахнув рукавом остатки слез, она открыла дверь.

Граф вошел, как к себе домой – не спеша, уверенно. Попытался обнять Марию, но она зло вырвалась:

– Совесть у тебя есть?

– Да чего ты? – удивился он, но настаивать не стал. Тяжело опустил на пол большую, туго набитую сумку.

– Это что? Жена из дома выгнала?

– Какая жена, дура? – отмахнулся он, снимая куртку. – Свадьба через месяц только.

И не врет даже... А с чего ему врать? Все цыгане уже знают... Мария несколько раз глубоко вздохнула. Как можно спокойнее, попросила:

– Ты не ходи ко мне больше. Хватит. Зачем?

Граф будто не слышал. Подойдя к столу, тронул пальцем колоду карт, стянул платок со старинного зеркала на бронзовой ножке.

– Все гадаешь? Хорошо гаджэ платят? – не дождавшись ответа, он кивнул на телевизор под кружевной салфеткой. – Не тебя вчера показывали? «Госпожа Мария, потомственная ясновидящая...» Хорошо получилось, нашим понравилось. Белаш за рекламу платил или сама? Еще бы разок надо, так вернее.

– Еще что скажешь? – сквозь зубы спросила она.

– Принеси вина.

Мария молча ушла на кухню. Вернулась с бутылкой «Хванчкары» и стаканом.

– Выпей и уходи.

Но Граф уже сидел на тахте, расставив ноги и свободно откинувшись на стену. Взглянув на остановившуюся у стола Марию, он небрежным жестом показал: налей. Женщина, едва сдерживаясь, плеснула вина в стакан. Он выпил – не спеша, с удовольствием. Поставил стакан на пол, блаженно потянулся.

– Иди ко мне.

Секунду в комнате было тихо.

– Бэнг тут тэ лел⁹, дерьмо! – тяжелая бутылка полетела прямо в голову Графа. Он едва успел уклониться, бутылка разбилась о стену, брызнув осколками и «Хванчкарой». Звон стекла смешался с истошными воплями: – Сволочь! Скотина! Сколько еще издеваться будешь? Последний стыд потерял! Тряпка я тебе? Игрушка?! Мало тебе баб твоих?! Думаешь, я не знаю, думаешь, не слышала?! Даже с цыганками совести хватает спать, как тебя

⁹ Черт тебя возьми.

только не зарезали еще! Девочку берешь, малявку берешь за себя! Тоже мучить будешь? Как меня? Ноги будешь вытирать?! Сволочь, паршивец, ненавижу тебя!

Граф вскочил. Мария опрометью кинулась из комнаты. Он догнал ее уже на лестничной клетке. Как тряпичную куклу, втащил в квартиру, ударил раз, другой, третий, швырнул на пол. Поднял рывком и снова ударил.

– Взбесилась, сука? Забыла, кто твой хозяин? Напомню!

– Ты – хозяин?! Ты дерьмо! – Мария рвалась из его рук, кусалась, несколько раз плюнула в лицо, но он, конечно же, был сильнее. Вскоре она оказалась стоящей на коленях. Намотав на руку жгут ее волос, Граф пригнул Марию к своему ботинку:

– Целуй, дрянь.

– Пусть жена твоя целует... – процедила она и лишилась сознания.

Мария очнулась на кровати. Было тихо, темно. Страшно болело все тело; кистями рук, казалось, нельзя было шевельнуть. Она сделала несколько осторожных движений. Облегченно вздохнула: не связана. А мог бы – как в тот день, когда она кинулась на него с ножом. Почти достала тогда, царапина осталась до сих пор... Постановивая, она села на кровати, ощутила лицо. Зубы, кажется, целы.

В полосе света на полу появилась тень. Граф стоял на пороге.

– Ты еще здесь?

– Я не трону... – хрипло сказал он.

– Не подходи. В окно выпрыгну.

Он послушался. Сел на пол у стены. Опустил голову.

– Я не хотел. Клянусь – не хотел... Если бы ты вопить не начала... Сто раз просил – не доводи.

– Ох, молчи... – сдавленно приказала она. Очень хотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым, но под рукой были только подушки, и Мария, представив себе эту месть, невольно усмехнулась. Тут же засадило разбитые губы.

– Принеси воды.

Граф покорно вышел. Вернулся с полной банкой, полотенцем. Мария протянула руку, но он сам опустился на пол у ее ног, смочил в воде край полотенца. Она стиснула зубы, стараясь не стонать.

– Ну, вот. Все. Так лучше? – голос Графа звучал заискивающе. Мария молча отобрала у него полотенце, сама стерла с лица остатки запекшейся крови, морщась, промыла глаза. Негромко вздохнула:

– Когда ты меня в покое оставишь? Когда убьешь?

– Что ты... О чем ты... – Граф смотрел в стену. – Слушай... Прошу – поедem в Бухарест. У меня там родня, сестра замужняя. Будем жить, как раньше, там тебя не знает никто. Думаешь, мне эта свадьба нужна?

– А не нужна – зачем связался?

– Одно твое слово – ничего не будет. Опять возьму тебя.

– С ума сошел? – притворно испугалась она. – Что цыгане скажут? Граф свою шлюху из дому выгнал, а потом снова притащил? С тобой никто здороваться не будет!

– Ты не шлюха, – глухо сказал он.

– Богу будешь объяснять.

Граф взглянул на нее исподлобья. Промолчал. Мария наблюдала за ним с горькой усмешкой.

– Что за сумку ты приволок?

– Это?... Да ничего. – Он явно был рад смене разговора. – Пусть побудет у тебя пару дней. Надо, чтоб не светилось.

– Травка?

– Поднимай выше. Порошок.

– Целая сумка?! – на миг Мария забыла обо всем. – Это же... Это же...

– На десять миллионов. Зелени, – протяжно сказал Граф. Мария пристально взглянула на него.

– Откуда у тебя? Ты таких денег не крутил...

Ленивым жестом Граф дал понять, что отвечать не будет.

– Давай спать, – попросил он. Мария кивнула, подняла ноги на кровать. И не отодвинулась, когда он опустился рядом, а, почувствовав его руку на своей груди, лишь тихо сказала:

– Полегче... Болит.

Ночью, когда Граф, раскинувшись на кровати, оглашал комнату раскатистым храпом, Мария выбралась из-под одеяла. Оглядываясь, прокралась в прихожую, накинула на лампу платок и при чуть заметном свете открыла сумку.

Это действительно был героин – около сотни плотных целлофановых пакетов с белым порошком. Мария вынула один, осмотрела, понюхала. С минуту размышляла, сидя на пятках. Потом положила пакет на место, подошла к вешалке и методично, один за другим обшарила карманы куртки Графа. На тумбочку легли ключи от машины, сигареты, нож с кнопкой. Пачку презервативов Мария брезгливо швырнула в угол. Последним под свет лампы явился пистолет. Сощурившись, Мария взвесила его на ладони. Вернулась в комнату.

Граф спал на спине, разметавшись по смятой постели и свесив вниз одну руку. Свет фонаря падал на его лицо, грубые черты разгладились, волосы были взлохмачены – сейчас он казался совсем молодым. Встав рядом с кроватью, Мария навела пистолет. Осторожно тронула курок. Тот не поддавался. Она судорожно сглотнула, зажмурилась и нажала со всей силы. Сухой бесполезный щелчок: пистолет не был заряжен.

Граф шевельнулся во сне. Забыв опустить руку, Мария в упор смотрела на него. Он не открыл глаз. Вдохнул, улынулся, пошарил рядом с собой.

– Маша... Кай сан? ¹⁰

Оружие со стуком упало на пол. Мария ничком повалилась на кровать. Беззвучно зарыдала, закрыв голову руками. Небо за окном зеленело. С улицы донесся первый трамвайный звонок.

* * *

В Москве, несмотря на май, было холодно. По улицам гулял пронзительный северный ветер, над крышами домов собирались свинцовые тучи, платформы Киевского вокзала блестели лужами. Толпа прибывших на скором «Москва – Одесса» мощным потоком устремилась к метро, и Король едва успел выбраться из нее. Он не собирался разыскивать цыган, но мелькнувшее у сигаретного киоска знакомое лицо заставило его обернуться. Так и есть – Ганка. Откуда она взялась?

Останавливаться не следовало. В ту же минуту его ненавязчиво потрогали за рукав.

– Красавец, на минуточку. – Девчонка лет семнадцати в красном, сползшем на шею платке вкрадчиво улыбалась. – На два словечка, мой ненаглядный! Я тебе не совру, я одну правду говорить буду... Красавец, у меня ребеночек больной...

– Поддай, поддай, брат, не жалей! – откуда-то вывернулся чумазый подросток, нагло оскалится, показав золотой зуб. – Не видишь – мучаемся, с голоду пропадаем...

– Васька, ты, что ли?

Цыганенок изумленно заморгал. Узнав Короля, улынулся во весь рот:

– Ай! Дорогой мой! Вот не ждали, Ганка за тобой уже высохла вся! И Граф здесь, айда!

¹⁰ Где ты?

– Граф откуда? – удивился Король, но мальчишка уже юркнул в толпу и исчез. Пропала, как не было ее, и цыганка в красном платке. А Ганка подошла вплотную и, прислонившись плечом к киоску, уставилась на Короля. Теперь уже нельзя было уйти незамеченным.

– Как твои дела? – спросил он. Она медленно покачала головой. Широко расставленные светлые глаза смотрели равнодушно, спутанные пряди волос выбивались из-под перекрученной косынки. Из-под фартука нахально выпирал живот.

– Опять? Чья работа?

Ганка пожала плечами, неуверенно ткнула в него пальцем. Наскоро прикинув срок, Король вынужден был признать, что и это возможно.

– Ладно... Где стоите? Веди.

За вокзалом нависали друг над другом предназначенные на слом развалюхи, зияющие черными проемами выбитых окон. Сухие тополя топорщились голыми сучьями. Ганка привычно и быстро запетляла между этими уродцами, миновала развал помойки и груды разбитых фанерных ящиков, скользнула в низкую дверь. Король старался не отставать.

Он встретил Ганку три года назад, когда пришел в небольшой табор, бродивший по херсонским степям. По ряду причин Королю не хотелось тогда появляться в больших городах, и нигде нельзя было спрятаться лучше. В таборе нашлось несколько поручившихся за него знакомых, и цыгане приняли Короля без лишних разговоров. А ночью в палатку скользнула Ганка и, ничего не отвечая на его удивленные вопросы, поснимала все свои юбки и платки. Он даже немного испугался тогда. Знал, что проституток среди цыганских женщин нет, а за связь с чьей-нибудь женой или сестрой легко можно получить нож под ребро. Но Ганка вцарапалась к нему под куртку, прижалась горячей, мягкой грудью, жадно поцеловала несколько раз – все молча. Что оставалось делать? Сперва Король думал, что она просто не говорит по-русски. Все выяснилось потом: немая, полусумасшедшая... В таборе на нее не обращали внимания, никто не придавал значения тому, что она начала жить с гаджо. Тогда Ганка даже нравилась ему – высокая, светлоглазая, черная от загара, носящая мужскую рубашу и рваную юбку, сквозь прорехи которой видны были колени. Из приличия он все же спросил ее десятилетнего брата:

«Не против, парень?»

Васька пожал плечами:

«Да бога ради... Дай сто – и я ослеп».

Другой родни у Ганки почему-то не было.

Больше года Король болтался с цыганами, и Ганка всегда была рядом: молчаливая, покорная и вечно беременная. Когда она умудрялась рожать и куда потом девала своих младенцев, Король так и не сумел допытаться. Потом он вернулся в Одессу. А этой зимой, приехав в Москву к сестре, снова встретил Ганку. Она обрадовалась, кинулась на шею, на ночь глядя потащила в привокзальную гостиницу. Король не отказался, но теперь уже не мог понять – что он нашел в ней тогда, в степи под Херсоном? После проведенной вместе ночи у него остались только ощущение неловкости и надежда на то, что этот раз – последний.

Лестница с выщербленными ступенями вела на второй этаж, в комнату с чудом сохранившимися на стенах обрывками обоев и потеками потолочной краски на обнаженных местах. На пестрых одеялах, подушках и просто на полу сидели человек двадцать цыган с безразличными физиономиями. Перед ними, засунув руки в карманы кожаного пальто, стоял Граф и о чем-то говорил – напористо и жестко.

– Э, морз¹¹... – вяло указали ему. Граф повернулся, увидел Короля. В его узких глазах блеснуло замешательство. На минуту в комнате воцарилась тишина.

¹¹ Обращение к мужчине.

– Будь здоров, золотой, – наконец медленно выговорил Граф. – Какими путями здесь? Не ждал увидеть.

– Случайно, – пожал плечами Король. – Васька сказал.

– Н-ну... – Граф запнулся. Поймав удивленный взгляд Короля, опустил глаза. – Отойдем.

Они вышли из комнаты, спустились по лестнице. На дворе уже темнело.

– Белаш товар получил, – сообщил Граф, вертя золотую печатку на пальце. – Спасибо тебе.

– Почему не звонил? – недовольно спросил Король. – Мне дожидаться некогда, я на днях к туркам лечу.

– Не в Москве он. Уж извини, дела. Да ты не беспокойся – все хорошо прошло.

Краем глаза Король заметил Ганку. Она спустилась следом за ними и теперь стояла у порога, зябко кутаясь в потертый мужской пиджак. Граф проследил за его взглядом, чуть заметно усмехнулся:

– Та твоя, рыжая – лучше... Как надоест – подари мне.

– Обойдешься, – нахмурился Король. – Будь здоров.

Лениво взмахнув рукой на прощанье, Граф вернулся в дом. Король двинулся к подворотне. Ганка догнала, пошла рядом. Уже у самого вокзала осторожно тронула его за рукав. Нет, с досадой подумал он, не отвязаться.

– Ну, что ты? Не будем сегодня, ты с пузом.

Пренебрежительный жест.

– В другой раз.

Кривая, недоверчивая усмешка.

– Приезжай летом в Одессу, свидимся.

Ганка покачала головой. Неожиданно заплакала. Король молчал, глядя, как вздрагивают ее худые плечи.

– Иди, – наконец сказал он. – Васька беспокоится.

Опустив голову, Ганка побрела к вокзалу. Король тронулся в другую сторону и лишь у магазина обернулся, чтобы убедиться – ушла ли она. Это его и спасло. Через секунду он уже летел на асфальт, а по двору звонко и часто разносились выстрелы. Автоматически Король насчитал их шесть, лежа за выступом магазинного крыльца и чувствуя, как на голову ему сыплется выбитая из стены кирпичная пыль. Потом наступила тишина.

Асфальт был мокрым после дождя, в бок колола щебенка, но Король лежал не двигаясь. Рядом послышались осторожные шаги. Кто-то подошел вплотную и наклонился. Одним ударом Король сбил этого «кого-то» с ног, и они, сцепившись, покатились по земле.

Схватка была бестолковой: Король почти не отвечал на яростные отбрыкивания и лишь старался не выпустить противника. Это оказалось трудным делом: нападавший был явно моложе и вывертывался из рук, как угорь. В свете фонаря мелькнули испуганные и злые глаза, оскаленные зубы.

– Умарав, джукло ¹²...

– Ром ¹³?! – от неожиданности Король ослабил хватку. Мальчишка тут же вырвался, вскочил и метнулся в темноту. За углом фыркнул двигатель, полыхнули по стене желтые всплески фар, взвизгнули шины. Все, подумал Король, садясь на асфальте. Не догнать.

Он ничего не понимал. Кто? Зачем? Что случилось? Не вставая с места, Король перебрал все возможные предположения, прикинул даже самое нелепое – у Ганки появился жених. Но почти на глазах у той же Ганки? Но через пять минут после разговора с Графом?

¹² Убью, собака...

¹³ Цыган?!

Совершенно сбитый с толку, он поднялся, попытался отряхнуться, но пользы это принесло мало. Саднила содранная кожа на скуле, синяк под глазом стремительно разбухал. Ходить по городу в таком виде показалось Королю дурным тоном. Делать нечего – нужно было отправляться к Петро.

Ресторанчик «Подкова» в привокзальном переулке был маленьким, темноватым и запущенным. Серьезные люди развлекались здесь редко: постоянными посетителями были рыночные торговцы, вокзальная шпана и изредка – ценители цыганского пения. Прежде Король удивлялся – почему так долго не разваливается крошечный ансамбль из пяти цыган, которые почти ничего не зарабатывали своими песнями. Потом он узнал, что через этих артистов проходит активная скупка и перепродажа краденых вещей, поступающих прямо с вокзала. Все это происходило под патронатом Графа, и лучшего заработка цыгане из «Подковы» не искали.

Петро Метелина, скрипача из ресторанного ансамбля, ничем нельзя было удивить. Казалось, он вовсе не заметил ни перепачканной куртки Короля, ни его разбитого лица. Впустив нежданного гостя в артистическую, Петро закрыл дверь и небрежно привалился к ней спиной – невысокий, худощавый, с вьющимися, падающими на плечи волосами. Его взгляд остановился на стене, сбоку от Короля.

– Будь здоров, баро ¹⁴, – протяжно сказал он.

– Привет. – Король давно привык к манере цыгана не смотреть в лицо собеседника и не обижался. – Я ненадолго.

Дверь за спиной Петро задрожала: кто-то из всех сил крутил ветхую ручку. Цыган отпрыгнул, пробурчав ругательство, и в комнату ворвалась его жена – маленькая смазливая плясунья из ансамбля.

– Ты что же запираешься, черт?! – завопила она. Увидев Короля, всплеснула руками: – Ай, господи! Володенька! Дай поцелую, князь мой алмазный!

Король, усмехнувшись, поднялся, раскрыл объятия – и Роза, болтая ногами, повисла у него на шее.

– Красавец, хороший, брильянтовый... Не был-то как давно! Не стыдно друзей забывать? А на кого похож! На какой помойке валялся, счастье мое? И все равно лучше всех! Все равно – мэ тут камам ¹⁵!

– И я тебя камам. Слезай, супруг обижается. – Король без особой нежности поставил ее на ноги. Роза, ничуть не обидевшись, расхохоталась, лукаво показала язык. Петро, напряженно улыбаясь, смотрел в стену, мял в пальцах сигарету. Наконец не выдержал:

– А ты ведь по делу, баро? Выйдем...

В узеньком коридоре они приткнулись у пожарного щитка, закурили. Под доносящийся из зала гомон гитар Король поведал сегодняшнюю историю, умолчав пока о том, что стрелявший в него парень оказался цыганом. Петро выслушал его серьезно и изумленно.

– Ну-у-у... Не знаю я, дорогой ты мой. Откуда мне-то знать? У тебя дела всякие – большие, маленькие... Мало ли кто обидеться мог?

– Может, ваши? – осторожно подсказал Король. Петро поперхнулся сигаретным дымом, уронил окурочок. Косясь в сторону, сбивчиво, сквозь зубы забормotal:

– Н-нет... Нет, нет! Что ты! Клянусь тебе – нет! Я бы знал! Цыгане – никогда! Да бог ты мой, что они – смертники, с тобой связываться? У всех семьи, дети... Никому не надо.

– А Граф? Как думаешь?

Цыган зло выматерился, отвернулся. Долго молчал. Король наблюдал за ним с некоторым сочувствием.

¹⁴ Уважаемый.

¹⁵ Я тебя люблю!

Теплые отношения Графа с женой скрипача ни для кого не были секретом. Роза была влюблена в Графа, как кошка, и убегала к нему при каждом удобном случае. Репутация семьи ее не заботила. Ей ничего не стоило показаться с Графом в ресторане, где знали их обоих, в открытую приехать к нему в гостиницу или прямо с работы, в присутствии цыган, позвонить ему на сотовый. «Проститутка!» – плевались цыганки. «Молодец баба! – восхищались их мужья. – Любит, значит!» Но и тех, и других одинаково возмущало поведение Петро. Единственное, на что оказался способным обманутый муж – это поставить Розе синяк после ее месячного отсутствия. На более жесткие меры у него не хватало духу. «Как я ее убью? – виновато оправдывался он перед цыганами. – А мелюзга наша как же?» Но даже наличие детей, которых у Метелиных было четверо, не могло служить Петро оправданием в глазах родни. Приговор был презрительным и окончательным: «Тряпка половая, а не цыган».

– Не... – наконец нехотя пробурчал Петро. – Зачем Графу?.. У тебя с ним дела, с него Белаш спросит. Не цыгане это, дорогой, не мучайся. Среди своих поищи.

– Скажи-ка... – вдруг вспомнил Король. – Белаш правда из Москвы уехал или липа?

– Почему липа? – удивился Петро. – Два дня назад в Прагу улетел, племянницу замуж выдает.

– М-гм... От тебя позвонить можно?

Снова оказавшись в артистической и ловя на себе веселые взгляды Розы, Король подсел к стоявшему на столике аппарату. Он набрал номер сестры, но к телефону долго никто не подходил. Король взглянул на часы: одиннадцать.

– Да... – наконец буркнул в трубку мрачный мужской голос.

– Славка? – удивился Король. – Нажрался опять?

– Тебе что?

– Белку позови.

В ответ – молчание.

– Где Белка? – забеспокоился Король. – Отвечай, гнида!

– Не ори. Сам гнида. Она у тебя, в Спиридоньевском.

– Это почему? Ты опять что-нибудь, гад?..

– Не твое дело. Скажи ей, чтоб домой шла.

– Сам скажи. Позвони – руки не отсохнут.

– Она трубку бросает.

– Бубну бы тебе выбить!.. – лопнуло у Короля терпение. Трубка с треском упала на рычаг. Роза отложила мокрую щетку, которой пыталась оттереть куртку Короля. Сочувственно пощелкала языком:

– Ну да. Славка со своей первой женой в Сочи летал на неделю. Они, артистки эти – все проститутки, правду тебе говорю. Ну, Белка дожидаться не стала, ушла. У тебя вторую неделю живет, а Славка опять в запое. Во всем доме денег ни копейки, и с работы скоро выкинут.

– Черт знает что, – подытожил Король. Надел куртку, подозвал Петро, полез в карман за деньгами.

– Держи. Узнаешь что – сразу ко мне.

В Спиридоньевском переулке – тьма кромешная. Фонари во дворе были побиты, и только один, синий и мигающий, кое-как освещал ящики помойки. Скрипучая дверь подъезда держалась на одной петле и чуть не свалилась на Короля, когда он потянул за ручку. По лестнице пришлось подниматься на ощупь: света не было. Пахло сортиром и кошками. На площадке третьего этажа Король отыскал нужный звонок, нажал, но дверь не открывалась. Он позвонил еще. Послышался шорох.

– А ну, убирайся! – зло приказали ему. – И чтоб духу твоего, кобель, не было! К девкам своим иди, паразит!

– Белка, это я, – проворчал Володя. Дверь приоткрылась. В щель выглянул недоверчивый глаз, раздался вопль – и на шею Королю кинулась молодая цыганка.

– Дэвлалэ! Вовка, да откуда ты?! Откуда?!

Он обнял сестру, поцеловал, погладил по растрепанным волосам. И почти на руках внес в комнату, когда она вдруг по-детски горько расплакалась на его плече.

Мебели в квартире не было. У стены лежало несколько одеял и подушек без наволочек, рядом с дверью были свалены сумки и узлы. В углу висела икона с закопченным ликом. Старая лампа с абажуром из соломки стояла на полу. Возле подоконника Король увидел Маркелу. Она сидела, скрестив ноги, и кормила грудью ребенка. Взглянув на Короля, поздоровалась кивком головы, подбородком указала вбок. Там, у стены, полулежал, опершись на локоть, Антрацит. Они не виделись несколько лет, но цыган совсем не изменился: то же хмурое лицо, те же острые, настороженные глаза из-под мохнатых бровей, те же два золотых зуба, сверкнувших в ухмылке, когда Антрацит поднялся на ноги.

– Т...явес бахтало ¹⁶, парень. Надолго к нам?

– Как придется, – усмехнулся Король: Антрацит вел себя здесь как хозяин. Вернувшаяся из кухни Белка протянула отцу коробок спичек.

– Лялька спит? – спросил у нее Король.

– Спит. Разбудить?

– Не надо. – Король не сразу смог разглядеть дочь среди сопящих на большой перине детей. Лялька спала на боку, засунув палец в рот и обнимая курчавого смуглого парня лет пятнадцати. Недлинные волосенки падали ей на лицо. Мальчишка повернулся, не открывая глаз, притянул к себе Ляльку и ее соседку, совсем крошечную девчушку. Малыши, сонно бормоча, прижались к нему, как пара котят. Белка поправила им одеяло.

– Я нарочно с ними Яшку положила. Холодно, не топят. Май месяц называется!

– Так и таскаешь ее по базарам за собой? – поинтересовался Король. Белка, подбоченившись, приняла воинственную позу, и он поспешил уточнить: – Да я ничего... Только побираться ее не учи.

– Просить не грех, – отрезала Белка. – Жить как прикажешь? Их же вон – пятеро. Вот еще и Маркела со своими приехала. Я, быть может, летом с отцом в Тирасполь поеду и Ляльку заберу. Ты не думай, плохому не научу. Потом все пригодится. При такой жизни не знаешь, где завтра окажешься.

Король не нашелся, что возразить. Подойдя к батарее, ногой раскатал лежавший на полу матрас. Упал на него, закинул руки за голову, только сейчас почувствовав, как устал за сегодняшний день. Белка присела рядом. Свет лампы тронул ее худое лицо с выступающими скулами. Король улыбнулся сестре. Она высунула в ответ язык, отвернувшись.

...Мать Короля страстно любила мужчин. В ее крохотной комнатке с видом на помойку коротали ночи портовые грузчики, рабочие магазина «Вино-воды», воры, спекулянты, студенты, милиционеры и даже один ветеринар. Кто из вышеперечисленного контингента являлся отцом Короля, не знала даже старожил коммуналки баба Фира – не говоря уже о самой Файке. Последняя, впрочем, настаивала на том, что Володьку сделал Сема Шойхет – вор в законе, гордость Одессы, гроза порта и роковое несчастье уголовного розыска. Володька, слыша это, не возражал: Сема Шойхет в качестве папаши, несомненно, был шикарнее, чем какой-нибудь живодер.

Свою «прощальную гастроль» Файка выдала, когда Володьке стукнуло четырнадцать. Ее последним увлечением, неожиданным даже для видавших виды соседей, оказался цыган из поселка Парубанки. Появление на коммунальной кухне корявого, сутуловатого, черного,

¹⁶ Букв. – будь счастлив. Приветствие.

как головешка, существа взбудоражило всю квартиру. Однако цыган вел себя на удивление прилично. Они с матерью не напивались, не дрались, не орали друг на друга. Иногда Файка по привычке принималась голосить дурниной, но цыгану стоило лишь рыкнуть на нее – и она умолкала. Видя такое, соседи успокоились, решили, что цыган – тоже человек, и новое приобретение матери осталось в квартире на Маразлиевке.

Имени цыгана никто не знал: все, включая сожительницу, называли его Антрацит. Разговаривал он мало и неохотно; выпив – не шумел, часто пропадал из дома. Между делом он умудрился сделать Файке ребенка. На родившуюся девочку мать не обращала никакого внимания, и воспитывал ее лично Володька под руководством всего женского населения коммуналки. Через месяц он уже отлично разбирался в пеленках и распашонках, доставал в порту контрабандное детское питание и усвоил, что лучше всего Белка засыпает под воровскую песню «Гоп со смыком». Вопила она по ночам так, что во всей квартире не просыпался один Антрацит. От соседей стучали в стену, Файка, матерясь, накрывала голову подушкой:

«Да чтоб ты сдохла, холера... Вовка! Вставай, засранец!»

Он поднимался, шатаясь, переходил комнату и брал Белку на руки.

«Ша, мамаша, не трендите. Щас исправим».

Из редких бесед с цыганом Володька выяснил, что в Парубанках у того имеется жена и шестеро детей. Уезжая туда, Антрацит часто прихватывал с собой подросшую Белку. Володьке это не нравилось. Иногда он расспрашивал сестренку:

«Не обижают тебя там? Отец не бьет? Тетя Хада добрая?»

Белка улыбалась щербатым ртом:

«Доблая... Холошо там!»

В конце концов Володька сдался и лишь предупредил Антрацита:

«Тронет ее там кто – убью».

Тот мрачно ворохнул глазами из-под мохнатых бровей:

«Не беспокойся».

Когда Володька схлопотал свой первый срок, сестренке было три года. Потом были Москва, Бадахшан, вторая отсидка... Он вернулся в Одессу лишь спустя восемь лет и обнаружил, что из Белки выросла настоящая цыганка. Антрацита к тому времени тоже за что-то посадили, и Белка жила с матерью. С раннего утра она, как на работу, отправлялась на Привоз с потрепанной колодой карт в руках, и несколько раз Володьке приходилось забирать ее из детприемника. Спорить с ней на этот счет было бесполезно: «Отстань, замучил! Я же не краду, только гадаю!» Король не вмешивался, но однажды ночью ему позвонили из привокзального отделения милиции:

«Слушай, Король, такое дело... Кажись, у нас тут твоя сидит».

«С картами опять шлялась?» – сонно спросил он.

«Какое там! Травка!»

Дело оказалось и впрямь нешуточное: Белка попала на вокзале с полной авоськой анаши. Король, конечно, вытащил сестренку: помогли связи, деньги и то, что Белке еще не было четырнадцати лет. Она сама была сильно напугана и, оказавшись дома, дала Володьке «честное-благородное» слово больше никогда не связываться с «травкой». Король поинтересовался, у кого Белка брала товар. Сначала сестренка упиралась, но потом, убедившись в профессиональности его интереса, свела Короля с Графом. Начало многолетнему совместному бизнесу было положено.

В пятнадцать лет Белка, к огромному неудовольствию Короля, оказалась замужем. Освободившийся после отсидки Антрацит первым делом откопал для дочери жениха. Свадьбу сыграли в рекордные сроки, и Белка уехала жить под Тирасполь. Король навел справки: муж сестренки оказался мелким жуликом и занимался перепродажей угнанных машин. Ничего удивительного не было в том, что через полгода парня зарезали на базаре. После

этого Белка примчалась в Одессу с криком и слезами, вызванными, однако, вовсе не смертью мужа.

«Они, его родня, хотят, чтобы я с ними жить осталась! Хотят, чтобы на всю жизнь! А зачем они мне нужны, боже мой? У нас же даже детей не было! Вовка, я там не остану-усь...»

«Ша. Не хочешь – не останешься».

Цыгане, впрочем, не отступились так просто. Однажды Короля разбудили гортанные крики под окнами. Белка, глянув в форточку, с писком залезла в шкаф и прикрыла за собой дверцы. Сообразив, в чем дело, Король быстро оделся и растолкал храпящего на полу Таракана.

У подъезда, азартно переругиваясь со сбежавшимися соседями, стояли человек шесть цыган. При виде Короля они притихли, а массивная фигура Таракана, на ходу натягивающего тельняшку, заставила их умолкнуть окончательно. Ленька протяжно зевнул, оглядел цыган и потопал к одноногому столику под каштанами, где вечерами собирались любители домино. Цыгане следили за ним настороженными взглядами. Ленька, как морковку, выдернул столик из земли и, держа его за ножку наперевес, вернулся к подъезду:

«Король, им чего?»

«Ромалэ, вам чего?»

Ответа почему-то не последовало. Спрашивать повторно было уже некого: цыган как ветром сдуло. Таракан пожал плечами, хозяйственно воткнул столик на место и отправился досыпать.

Все же Король решил, что сестренке будет лучше уехать из города, и на следующий же день отправил ее в Москву. Теперь к Белкиным услугам был Киевский вокзал, барахолки и обширная Комсомольская площадь. Ее бесчисленная родня съезжалась отовсюду: не было случая, чтобы Король, приехав в Спиридоньевский переулок, не застал там цыганскую ватагу. Однажды Белка смущенно представила ему худенькую большеглазую девочку:

«Это Симка, моя сестра. У нее мать посадили. Можно, поживет?»

Потом появились еще одна сестра, пара племянников. Король не возражал. Вскоре он сам привез Белке на воспитание трехмесячную дочь, совершенно не зная, что с ней делать. Она отреагировала спокойно: «Пусть будет».

К двадцати годам Белка снова собралась замуж. На взгляд ее родни, партия была блестящей: Славка Рогожин был «из артистов» и работал в дорогом московском ресторане, откуда его, впрочем, вот-вот грозились выкинуть из-за систематических пьянок. Король никак не мог понять, где сестренка умудрилась познакомиться с новым мужем: ни родственников, ни знакомых среди артистов у Белки не было. Сама она упорно отказывалась от бесед на эту тему и сказала лишь, что встретила со Славкой в доме Розы Метелиной. Когда Король спросил об этом у Розы, та расхохоталась:

«Э, милый, у твоей сестры ума палата! Правду говорит, у нас они спихнулись. Славка в тот день пьяный был в сосиску, если бы не Белка – и домой бы не дошел, пропащая душа! Она его от нас увела, до дома дотащила и жить с ним осталась. Самое главное, когда замуж хочешь, – вовремя подсунуться! А он тоже не дурак, ему в дом хозяйку надо, жена-то еще когда сбежала...»

Королю все это не понравилось, но мешать сестре он не стал, и Белка торжественно перебралась со своими сковородками, подушками и выводком малолетних родственников к супругу.

...– Кто тебе морду побил? – потянувшись, спросила Белка.

– В поезде с полки упал, – отшутился Владимир. Белка скорчила недоверчивую гримасу, но дальше выпытывать не стала. Ходики показывали два. Дети сопели под одеялами; из угла, где спал Антрацит, доносился густой храп. Маркела дремала сидя, так и не вынув

изо рта потухшую сигарету. За окном прополз последний троллейбус, пробежала по потолку голубая полоса света.

– Что у вас опять со Славкой?

– Как всегда, – не сразу отозвалась сестра. – Неделю домой не приходил, я чуть с ума не сошла. Спасибо, цыгане позвонили, все рассказали – и где, и с кем...

– Поехали в Одессу, – предложил Король.

Криво усмехнувшись, Белка кивнула на детей:

– А с ними что делать? Кто их кормить будет? Я одна, да?

– Прокормлю. Поехали?

– Ай... – отмахнулась она. Кто-то из детей захныкал во сне. Белка встала, перевернула его на другой бок, поправила одеяло. Вернулась.

– Да и не в этом даже дело, Вовка. Понимаешь... Я же знаю, к кому он ходит. Эта его первая, Рада... Она артистка в театре, Рада Черменская – слышал, может. Знаешь, какая она? Мне с ней рядом не стоять. Будь я мужиком – сама бы за ней, хвост задравши, бегала... А ты от Нинки тоже гулял?

– Ну, как... – растерялся он. – Всяко было.

– А тебе-то, паршивцу, чего не хватало? – вдруг набросилась она на него. – С нее же ико-ны можно было писать! Не то что твоя курва рыжая! Другой бы на шаг не отошел, а ты!..

– Хватит, – оборвал ее Король. – Третий час, спать давай.

Белка не стала спорить. Принесла ему подушку, взбила ее, подняв вихрь из перьев. Уселась в изголовье.

– Ты спи, а я на тебя посмотрю. Совсем редко приезжать стал. Как было хорошо, когда вместе жили... – она запустила пальцы в волосы и вполголоса запела:

– Гоп со смыком – это буду я.

Граждане, глядите на меня!

Ремеслом я выбрал кражу, из тюрьги не вылажу.

Прокурор скучает без меня...

* * *

В цыганском поселке гремела свадьба. К огромному двору одна за другой подъезжали машины, слышались веселые голоса, песни. Дети стайками носились по саду, вертелись среди взрослых. Музыканты расположились на невысокой эстраде. К ним то и дело поднимался кто-то из гостей, брал в руки гитару или становился за синтезатор, чтобы песней поздравить молодых. Молодые, как обычно на цыганских свадьбах, были врозь: невеста Графа сидела в кружке подруг, что-то со смехом рассказывала им, давала трогать и рассматривать белое платье на кринолине. Сам Граф стоял рядом с мужчинами, с интересом разглядывая всходящую на эстраду молодую цыганку.

Ей было не больше двадцати пяти: стройная, высокая, в длинном вечернем платье. Распущенные волосы кольцами вились по спине. Надменное выражение бледного лица только подчеркивало его красоту. Сняв со стойки микрофон, цыганка привычно взяла дыхание и запела «Очи черные». Чистый, сильный голос разом покрыл шум во дворе: притихли даже дети. Все головы повернулись к эстраде.

– Дэвлалэ... – подивился Граф, осматривая стоящих рядом цыган. – Чья она? Почему не знаю?

– Рада, из театра, – подсказал кто-то. – Славки Рогожина жена, два года уже с ним не живет.

– Свободна, значит, – подытожил Граф. Цыгане рассмеялись.

– Мало тебе других твоих? Хоть цыганок пожалей, морэ... Тебе теперь на жену смотреть надо!

– Насмотрюсь еще, – отмахнулся он.

Рада допела песню, с улыбкой пожелала счастья молодым. На миг ее неласковые глаза остановились на лице Графа. Затем она опустила ресницы и, придерживая серебристый подол платья, чинно спустилась с эстрады.

– Видели, как посмотрела? – усмехнулся Граф. – Захочу – со мной будет.

– Ой... – недоверчиво протянул молодой парень. Граф повернулся к нему:

– На спор, морэ! Две недели сроку.

Стоявшие рядом «разбили» руки, с усмешкой пожелали удачи, усомнились – не короток ли срок, уверенно сказали, что когда-нибудь Графа зарежут за его штучки.

– Не дождетесь, – без улыбки сказал он. Оглядел стол и гостей, нашел глазами Белаша. Он стоял среди цыган, о чем-то вполголоса им рассказывал. Его слушали в почтительном молчании; молодая цыганка в расшитом бисером костюме осторожно зажимала рот попискивавшему малышу на ее руках. Белаш улыбнулся, заметив ее маневры. Цыганка угодливо поклонилась, отпустив ребенка, после чего малыш немедленно заревел во всю глотку.

Граф подошел к ним.

– Извините, ромалэ. Белаш, можно тебя на два слова?

– Конечно. – Белаш взглянул на молодую цыганку, усмехнулся. – Дана, не мешай сыну кричать: хорошо петь будет.

– Дай бог, дорогой, дай бог, спасибо... – уже в спину ему поклонилась цыганка. Стоявшие рядом мужчины проводили взглядами Белаша и Графа. Торопливо заговорили о другом.

– Так что случилось, морэ? – спросил Белаш, когда они оказались в глубине запущенного сада, под навесом яблоневых ветвей. – Ты товар в Одессе не получил?

– Даже в глаза не видал! – зло процедил Граф, пиная носком ботинка сухой комок земли. – Говорил я, что гаджо обдурит!

– Семь лет с Королем работаем. Такого еще не было.

– Так и денег таких еще не было. На десять лимонов героина! Мне он сказал, что в первый раз слышит и ничего не знает.

– Почему ты мне не позвонил?

– Звонил! Валя сказала – ты в Праге.

– Он ведь на твою свадьбу, кажется, должен был прилететь...

– Должен был! Да! И где он?!

Лицо Белаша осталось неподвижным. Остановившись у корявой яблони, он внимательно следил за тем, как рыжий муравей бежит по растрескавшемуся стволу. Граф смотрел в землю, молчал.

– Что мне было делать?! – неожиданно взорвался он. – В Одессе его не шлепнешь, он там хозяин! Пропади все пропадом, чтоб я еще хоть раз с таким связался! Извини меня, морэ, но больше – за миллион не соглашусь!

Белаш ничего не сказал. Казалось, его интересует только суeta муравья. Граф напряженно смотрел на него.

– Как будем, морэ? Мне в Одессу ехать? Разбираться?

– Нет. У тебя теперь другое дело. – Белаш с усмешкой кивнул на мелькающее за деревьями белое платье невесты. – Ты не виноват, и разбираться не тебе. Забудь об этом.

Граф нахмурился. Хотел было сказать что-то еще, но по дорожке застучали, приближаясь, быстрые шажки. Девочка лет пяти в розовом кружевном платье бежала прямо к ним.

– Папо! ¹⁷ – Э, папо!

¹⁷ Дедушка!

– Что, маленькая? – улыбнулся Белаш. Наклонившись, подхватил внучку, и та, обхватив его шею руками, что-то зашептала ему на ухо.

– Да? Ну, пойдём. – Белаш опустил девочку на землю, взял ее за руку. Обернулся к Графу:

– Иди к гостям, дорогой. Я сейчас вернусь. Мы еще не пили за твоё счастье.

Граф натянуто улыбнулся, кивнул. Когда Белаш с внучкой скрылись за деревьями, он достал сигарету, щелкнул зажигалкой раз, другой, но искра не высекалась. Выругавшись, Граф швырнул сигарету в траву, засунул руки в карманы и зашагал к свадебным столам.

Внучка провела Белаша через весь двор, мимо гостей, за ворота, где двумя бесконечными рядами выстроились «БМВ», «Волги» и «Мерседесы» приехавших на свадьбу. В конце аллеи стояла белая «Тойота» с тонированными стеклами. Девочка подвела Белаша к ней, подняв руку, постучала в окно:

– Эй – привела!

Стекло опустилось. Из окна появилась женская рука в кольцах, опустила на детскую ладошку гранатовый кулон на цепочке. Девочка, зажав подарок в кулаке, вприпрыжку побежала по двору. Белаш открыл дверцу, сел рядом с Марией.

– Зачем ты приехала?

– Поговорить с тобой.

– Могли бы дома поговорить.

– Я знаю, что ты завтра улетаешь. – Мария нервно затянулась длинной сигаретой, откинула за спину волосы. – Это срочно. Тебя могут обмануть.

– Не дыми в машине. – Белаш подождал, пока она выбросит сигарету и поднимет темное стекло. Мария подождала немного, но Белаш молчал, и она, волнуясь, заговорила сама:

– Помнишь, тогда у тебя дома?.. Ну, Граф и ты, а я за занавеской стояла... Ты сам мне тогда разрешил... – Мария запнулась. По дороге она раз десять повторила про себя предстоящую речь, и все слова казались ей такими убедительными – Белаш непременно должен был понять и поверить... Но вся решимость растаяла при виде неподвижного лица дяди. Он даже не смотрел на нее. Как ей сейчас нужна была привычная сигарета!..

– Граф тогда говорил, что привезет товар из Одессы. Кажется, от Короля – ну, который мой родственник. Я... я не знаю, како. – Мария шумно вздохнула, готовясь сказать главное. Белаш ждал, не поворачивая головы.

– Месяц назад Граф пришел и принес сумку. Там... героин. Я точно знаю, что героин. Очень много. Я спрашивала – откуда, он не стал говорить. Я не знаю, что думать, како. Он никогда с этим не приходил ко мне...

– Зачем ты его впустила? – наконец открыл рот Белаш.

– Он бы дверь выбил.

С минуту Белаш молчал. Затем взглянул в окно.

– Будет гроза?

– Это из-за стекла, небо чистое, – нетерпеливо сказала Мария. – Ты знаешь про эту сумку?

– Поезжай домой, девочка.

Она непонимающе взглянула на него.

– Что?..

– Поезжай. – Белаш помолчал, глядя на пустую, затягивающуюся туманом дорогу за окном. – И будет лучше, если ты все-таки с нами поживешь. Граф – цыган и мужчина, я не могу ему запретить бывать у тебя, но это ни к чему. У него теперь другая семья. Бог даст, и у тебя будет.

– Како! – Мария оскалилась от бешенства. В глазах ее вскипели слезы. – Думаешь, я вру?! Думаешь, я нарочно?! За то, что он другую берет?! Да я... Я же его чуть не застрелила

тогда! Из его же пистолета! Если бы заряжен был – сейчас бы уже сорок дней справляли! Он же врет, он врет, он всегда врет! Теперь он и тебя обдурит! Я не знаю Короля, но он не виноват! Почему ты молчишь? Хочешь, чтобы я, я сама его убила?!

Белаш наотмашь ударил ее по лицу. Мария захлебнулась на полуслове, отпрянула. Плечи ее дрогнули раз, другой. Тишина.

– Прости, девочка. – Белаш достал с заднего сиденья бутылку с минеральной водой, открыл ее. – Выпей.

Мария, не поднимая головы, отстранила его руку.

– Ты цыганка. Никогда не лезь в дела мужчин.

Белаш вышел из машины. Хлопнула дверца. Снова тишина.

Мария нащупала бутылку с водой, несколько раз глотнула, плеснула в лицо. За окном машины темнело. Из-за забора доносился гитарный звон, песня. Мария сидела с закрытыми глазами. Лицо ее казалось спокойным.

* * *

Прийти вовремя Славка не мог никогда: Мария прождала его весь вечер. Услышав звонок, она прыжком сорвалась с тахты. Прежде чем открыть, еще раз оглядела себя в зеркало: синяки были тщательно замазаны и запудрены, ссадину в углу рта кое-как скрывала помада.

– Кто там? Славка, ты? Входи.

Брат вошел боком, отворачивая лицо. Мария взяла его за ухо, повернула к зеркалу.

– Ну, взгляни на себя! Ох, и красота! Спать съездился?

Из зеркала смотрела мрачная небритая физиономия с ссадиной во всю скулу.

– Тебя милиция не останавливает?

– Каждый день, – хмуро отозвался он. – Думают – чеченец.

– М-да. Ну что – опять дел натворил?

Славка отмахнулся, пошел в комнату. Мария юркнула в кухню, вернулась с кастрюлей, тарелками, буханкой хлеба под мышкой. Через две минуты Славка уплетал дымящийся борщ, а Мария, забравшись с ногами в просторное кресло, задумчиво смотрела на него.

Они были вместе всегда. Сколько Мария помнила себя, цыгане называли их с братом через черточку, в одно слово – «Славка-Машка»: «Славка-Машка концерт работают в „России“, „У Славки-Машки опять гастроли“, „Славка-Машка новую песню придумали“... Дуэт брата и сестры Рогожиных знала вся Москва: грудное контральто Марии и сильный, редкой красоты Славкин тенор нельзя было спутать ни с какими другими голосами. Да и смотрелись на сцене они неплохо. Мужчины в зале шалели от темного, замкнутого лица Марии, ее тонкой, как струна, фигуры, черной гривы до колен с воткнутой в нее чайной розой. А огромные грустные очи Славки и его физиономия красивого разбойника заставляли поклонниц часами толпиться у служебного входа концертных залов. Юность прошла в выступлениях и гастролях. Белаш помогал племянникам, не жалел денег на рекламу, обещал съемки на телевидении и запись дисков – и все бы это исполнилось, конечно. Но однажды они пришли к своим друзьям в театр „Ромэн“, и Славка увидел там Радугу Черменскую.

Радка была тогда совсем молода и, что скрывать, хороша. Но Мария навела справки и выяснила, что к двадцати годам эта красавица успела бросить двух мужей, разругаться с тремя ансамблями, уйти с эстрады в театр и выжить бывшую примадонну. Мария поспешила рассказать об этом брату, но Славка лишь отмахнулся:

«Бабы сплетни. Цыганки врут, а ты повторяешь».

Мария опешила, решив, что он не понял. Терпеливо повторила все еще раз, но брат вышел из себя:

«Оставь ее в покое, говорят тебе! Мы уже решили. Она выйдет за меня».

«Ты, ты, ты... – задохнулась Мария. – С ума сошел?! Она же шваль, проститутка, пойми ты! Двоих бросила и тебя выкинет! Может, ты теперь с ней и петь будешь? И работать? И в Париж с ней полетишь, да?!»

«С Парижем все. Я остаюсь».

«Что?...»

«Остаюсь. Ухожу в „Ромэн“».

В комнате повисла тишина. Славка стоял, отвернувшись к стене. Мария, закусив губы, комкала в пальцах занавеску. Затем подошла к телефону. Набрала номер дяди, чужим голосом сообщила, что они отказываются от гастролей в Париже, выслушала все, что Белаш думает о ней, Славке и Раде, и опустила трубку на рычаг. Славка исподлобья следил за ней.

«Ромэн» так «Ромэн». – Она старалась, чтобы голос звучал спокойно. – Я с тобой».

В театре Марии не понравилось. Ей, эстрадной артистке, привыкшей проводить по два-три часа на сцене, было тяжело и скучно сидеть за кулисами, ожидая своего выхода в массовке или маленькой роли. Но ей повезло: главный режиссер обратил внимание на ее яркую, типажную внешность, и уже через полгода Марии дали сольный номер, а позже – и роль Кармен. Сначала она еще плакала по ночам, вспоминая работу на эстраде, гастролы, поездки, овации, потом – привыкла.

Хуже было то, что у Славки с Радой не ладилось. Прибегая по утрам на репетиции и видя мрачное лицо брата, Мария встревоженно допытывалась: «Что случилось?» Славка отмахивался: «Все хорошо», торопился сменить тему. Но Мария не сдавалась и прибегала к самым надежным источникам информации – молодым артисткам. От них она узнавала, что Славка с женой ссорятся, что Рада не всегда ночует дома, что ее видят в ресторанах с русскими мужчинами... Именно тогда Славка начал выпивать. Через год дошло до запоев – обычно это случалось, когда Радка пропадала из дома. Мария приезжала, била бутылки, ругалась:

«Совсем совесть потерял! Да что же это с тобой, черт бы тебя драл, а?! Все из-за этой потаскухи! Отравлю я ее, увидишь! И ни один суд не посадит!»

Славка хмуро молчал – а потом звонил ей ночами, пьяный:

«Ты правду говорила, Машка, ты правду сказала... Я не знаю, как быть...»

Мария молча глотала слезы. Что можно было сделать?

Однажды Рада исчезла на две недели. Первые дни Славка еще ждал, потом, не выдержав, начал звонить знакомым. Кто-то из цыган неохотно сказал ему, что Рада улетела в Алушту «с каким-то гаджо». Когда эта весть дошла до Марии, у Славки шел четвертый день запоя.

Мария вытащила брата за сутки – к тому времени у нее уже появился приличный опыт по этой части. Ругать не стала – жалко было. Молча, стиснув зубы, занялась уборкой, стиркой, готовкой. Славка сидел в углу, виновато поглядывал на нее. Потом тихо спросил:

«Как же мне теперь?»

«Никак! – рявкнула сестра. – Одевайся, у нас спектакль вечером!»

В театр Мария вошла одна: Славка задержался на улице, у машины. Еще не зайдя в артистическую, она услышала Радкин голос – та со смехом рассказывала что-то. Мария с треском распахнула дверь:

«Явилась, дрянь?!» – и, прежде чем Радка успела опомниться, схватила ее за волосы.

Драка была короткой, но яростной: ключья Радкиных волос летали по всей примерке, сама она пронзительно кричала, распростертая на полу, а Мария молотила ее кулаками по лицу. В коридоре уже грохотали двери, визжали цыганки, слышался рокошующий бас завтруппой. Подоспевший Славка оттащил Марию, цыгане подняли и усадили рыдающую Радку. В примерную вошел режиссер.

«Дядя Петя, дядя Пе-е-е-тя... – провыла Радка. – Меня Машка убить хоте-е-ела...»

«Хотела бы – убила, – с ненавистью заверила Мария, натягивая на себя испанский костюм. – Умывайся, шваль, – третий звонок был».

Радка, конечно, не вышла в этот вечер на сцену. А на следующий день Марию вызвал директор и предложил написать заявление. Она согласилась без спора. Славка пришел к ней в тот вечер – трезвый и растерянный.

«Я тоже уйду».

«И думать забудь! – вскинулась она. – Сиди там! Стереги свою красавицу, работай! За меня не бойся – не пропаду».

Ничего не помогло – ни уход Марии из театра, ни прекращение всяких отношений с невесткой, ни молитвы и свечи в церкви: через год Радка ушла. Цыгане поговаривали, что Славка бил ее. Мария, слыша это, пожимала плечами: еще бы... Узнав об уходе Радки, она обрадовалась: хомут с плеч – и стала ждать, что брат вернется к эстрадной работе. Но толку от Славки уже не было никакого. За пьянство его выгнали из театра, о чем он, в общем-то, не жалел и тут же устроился в какой-то ресторан. Мария упрашивала его вернуться на эстраду – он равнодушно отмахивался: «Зачем мне?..» И пил, пил, пил.

Когда полгода назад Славка вдруг объявил, что снова женится, у Марии уже не было сил спорить. «Ох, да делай что хочешь... Она хоть кто»? Выслушав рассказ брата, она немного приободрилась: девочка была не из артистов, а значит – смирная. Немного насторожило количество ее малолетних родственников, но и тут у Марии нашлось оправдание: «Цыгане мы или нет? Дети – не беда. Бери ее».

... – Это правда – то, что мне рассказали? – спросила Мария, когда тарелка брата опустела.

– Про что? – неохотно спросил он.

– Про Радку. Ты опять с ней связался?

– Врут. – Славка отложил ложку, отвернулся. Мария села напротив.

– Не стыдно тебе? О жене бы подумал.

– Белка не знает.

– Да все она знает! – вспылила Мария. – Только тебе не говорит! Что толку, если совести нет? Да опомнись, – над тобой все цыгане смеются! Если всякой шалаве давать об себя ноги вытирать... Ты знаешь, что она теперь Кармен играет? Эта льдышка – Кармен! С ума сойти! И как она только эту роль себе выпросила? Небось опять как сорока-воровка: этому дала, этому дала, этому дала... Да не скаль ты зубы на меня! Все цыгане про это говорят! Думаешь, она с тобой одним?..

– Ну тебя к черту, – сказал на это Славка. Снял со стены гитару и, давая понять, что разговор окончен, тронул струны. По комнате поплыла грустная мелодия. Мария сердито посмотрела на брата, вздохнула. Машинально начала перебирать валявшиеся на столе фотографии. Вглядевшись в одну из них, удивленно вскрикнула:

– Славка, подойди-ка!

– Чего еще? – гитарные переборы смолкли, Славка встал. – Это что такое? Белкины? Ты не вернула до сих пор?

– И не верну! – отрезала Мария. – Самой нравятся. Раз уж на свадьбе у вас не гуляла, хоть карточки погляжу иногда. Послушай, я тебя давно спросить хотела – кто это?

С фотографии глядела смеющаяся Белка в сбившемся набок платке. Ее обнимал за плечи человек в кожаной куртке. Он был выше маленькой Белки на две головы, и она казалась куклой рядом с ним. Его светлые глаза смотрели прямо в объектив, на лице не было улыбки.

– Он вроде не цыган?

– Угу, гаджо. Это Белкин братец, Король. Чор ¹⁸.

– Как ты сказал? – медленно переспросила Мария. – Король? Это – Король?

– Ты что – знаешь его? – насторожился Славка, но Мария уже взяла себя в руки и с беззаботным видом отложила фотографию.

– Нет, не знаю. Откуда? Скажи, а Белка с ним не работает?

– Еще не хватало! – испугался Славка. – Ты мне скажешь, в чем дело, или нет?

– Скажу. – Мария недобро прищурилась. – Вот ты, чаворо ¹⁹, почти месяц по бабам бегал. С каких денег Белка детей кормила? Знаешь? Спрашивал?

– Нет. – Он смутился. – Она сейчас у себя живет. Я звонил – не хочет разговаривать... Может, ей Король что-то давал?

– А вот я слыхала, что она опять гадает. Может, и за травку взялась. Сейчас многие этим зарабатывают.

– Да брось... – неуверенно протянул Славка.

– Что «брось»? У нее мелюзги сколько? На тебя-то какая надежда... И не отворачивайся, я правду говорю! Она цыганка, на чем сможет, на том и сорвет. Может, брат ей помогает, может, Граф. Может, она у них обоих на подхвате. А ты все как у бога в бороде живешь – не знаешь ничего. Ну, скажи мне, брильянтовый, когда у тебя мозги появятся?!

Славка опустил голову. Мария загасила в пепельнице сигарету, подошла, притянула брата к себе. Он молча уткнулся в ее плечо. Мария погладила его по курчавым волосам.

– Горе мое... Драть тебя надо, да некому.

С тумбочки заверещал телефон.

– Слушаю. – Мария сняла трубку. Ее лицо стало удивленным, потом обрадованным. Энергичным жестом она велела брату придвинуться ближе.

– Да, Белочка, слушаю тебя. Как ты, девочка? Славка?.. Да, у меня... – Славка отчаянно замотал головой, и Мария на одном дыхании поправила: – ...Был только что. Да, ушел. Не знаю, куда. Ты что – плачешь?! Девочка, ну что ты... Да стоит ли он слез твоих, кобель этот, а?! Нет, знаю, что говорю! Ты его полгода знаешь, а я – скоро тридцать! И не смей защищать!.. Ну, хочешь, он приедет за тобой? Что?.. Белка, да он рад бы – только ты же не пускаешь! Конечно, он сам так сказал. Будь дома, жди – сейчас я ему на сотовый наберу... – Мария положила трубку, довольно взглянула на брата.

– Ну, слышал? Езжай к ней сейчас же!

Повеселевший Славка сорвался с места. Мария выбежала за ним в прихожую.

– Делай что хочешь, хоть на коленях стой – но чтобы завтра ко мне в гости вдвоем пришли! И с детьми! Понял?!

– Придем! – уже из-за двери пообещал Славка и запрыгал вниз по ступенькам. Улыбнувшись, Мария закрыла за ним дверь.

Вернувшись в комнату, она села в кресло, обхватила бархатную подушку,

задумалась. Кажется, Славка не догадался ни о чем. И слава богу. Вот если бы его жену порасспрашивать... Мария закрыла глаза. Она чуть не сошла с ума, когда месяц назад перебирала фотографии и наткнулась на эти светлые глаза.

Значит, вот он кто. Король. Чор. В законе. Тот самый, с которым Граф делает дела в Одессе. Тесен мир, господи... Встав, Мария подошла к столу. Взяв в руки карточку, снова всмотрелась в жесткое лицо Короля.

– Видишь – запомнила тебя, – сказала вполголоса. Холодноватые глаза гаджо смотрели с фотографии сквозь нее.

¹⁸ Вор.

¹⁹ Мальчик.

– Ты-то не помнишь, конечно. – Мария зажмурилась. Глаза вдруг стали горячими; из-под ресниц, смывая остатки грима, пробились слезы. Мария заплакала, уронив голову на стол. Сдавленно попросила, словно Король был здесь и мог слышать ее: – Помоги мне, а? Поможешь? Что тебе стоит, баро...

* * *

Марго Канделаки мерила комнату гренадерскими шагами. Ее рыжие волосы в беспорядке рассыпались по спине и плечам, полы прозрачного халатика разлетались в стороны. Всем своим видом Марго напоминала разгневанную и заспанную Немезиду. За ее перемещениями растерянно наблюдал Петрос Ставропуло – смуглый молодой человек в светлом летнем костюме. Он сидел на самом краешке кресла и, прекрасно понимая, что пришел не вовремя, не мог заставить себя уйти. Петрос был даже немного рад, что Маргарите сейчас не до него и он может без помех любоваться ее волосами, ногами, высокой крепкой грудью, так соблазнительно круглящейся под прозрачными складками. Что ее так обеспокоило, он не знал, хотя уже больше часа сидел в этом кресле и слушал, как Марго ругается с разными людьми по телефону. Но понять разговора Петрос не мог, а расспрашивать было бесполезно. В глубине души он надеялся, что проблемы эти так или иначе разрешатся и Марго согласится пойти с ним куда-нибудь. А может – еще лучше, – оставит его здесь на целую ночь. Одна такая ночь у Петроса уже была, и он не мог ее забыть.

Марго уселась в кресло и снова придвинула к себе телефон.

– Алло! Алло! – радостно закричала она после того, как в трубку буркнули что-то невразумительное. – Ленька! Ты дома? Прилетели уже?!

Недовольное рычание: Таракан давал понять, что разбудили его совершенно напрасно и что все неприятности на свете – от сумасшедших баб. Марго нетерпеливо перебила его:

– Где Король, не знаешь?

Нет, ничего он не знает и знать не хочет. Да, прилетели, вчетвером, еще утром и, между прочим, две ночи не спали. Куда Король делся? Он, Таракан, ему не нянька. Может, дела какие-нибудь.

– Он ко мне приехать обещал! – потеряла терпение Марго.

Обещал, так приедет. А если и нет – тоже нечего психовать. Если что-то серьезное – пусть Марго звонит на мобильный Лягушонку. Таракан сердито продиктовал номер сотового телефона и повесил трубку.

Марго поставила телефон на пол, едва удержавшись, чтобы не швырнуть его со всего размаху. Откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза. Устало подумала: когда все это кончится?..

Месяц назад Король со своей командой отбыл в горный Бадахшан. Перед отъездом он клятвенно обещал Марго приехать к ней сразу, как вернется. Зная день прилета, Марго ждала его с утра. Она даже совершила ради этого небольшой подвиг, отказавшись от работы с турецким бизнесменом, который, посещая Одессу, всегда пользовался ее услугами. Хозяйка заведения тетя Катя осталась крайне недовольна, но Марго было не до турка. Она навела уборку в квартире, сменила постельное белье и перемерила десяток лифчиков и трусиков. Прокурор, имевший дурную привычку раздражаться трескучими монологами посреди ночи, был водворен к соседке, на плите стояла кастрюля борща, сама Марго благоухала «Шанелью» – но все оказалось напрасно. Король не появился ни вечером, ни ночью. Наутро обеспокоенная Марго позвонила в московский аэропорт Внуково и выяснила, что рейс из Бишкека прибыл вовремя. То же самое ей сказали в одесском аэропорту по поводу самолета из Москвы. Весь день Марго крепилась, не решаясь позвонить Таракану: Королю не нравилось, когда она «поднимала хипеж» без особых причин. Под вечер, измучившись ожиданием, она

заснула в кресле. И вскочила, как сумасшедшая, разбуженная звонком в дверь. Увы, это оказался всего лишь Петрос с охапкой роз и виноватой улыбкой: он не успел предупредить ее о своем приезде. Скандалить с ним у Марго не было сил: она указала ему на кресло, принесла кофе, воткнула розы в трехлитровую банку и, кипя от злости, забежала по комнате. Куда, куда пропала эта сволочь?!

Телефон Лягушонка оказался включенным, но Марго пришлось выждать восемь или десять гудков, прежде чем в трубке раздалось яростное:

– Да мать твою... Чего надо?!!

– Зямка, это я, – удивленно сказала Марго. – Разбудила?

– Маргарита... фу-у... Спиридоновна?.. – Лягушонку явно с трудом далась короткая фраза. Встревоженная Марго переспросила:

– Ты что делаешь? Ты где? Разговаривать можешь?

– Уй, Маргарита Спиридоновна! Уй, ну хоть бы через полминуты! – в голосе Лягушонка звучала мировая скорбь, и Марго наконец догадалась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.